

489

„Пров 4“

LA BIOGRAPHIE DE A. JELABOV

Par M. DRACOMANOV

КЪ БІОГРАФІИ

Дуэлю

А. П. ЖЕЛЯБОВА

Генерал
Эпол.
Драгомановъ

Отдѣльн. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 39 и 40)

Мы только что получили небольшую, но очень интересную брошюрку: «Андрей Ивановичъ Желябовъ». (Складъ у Н. Georg. Corraterie, Genève. Ц. 1 фр. Сборъ за пользу «Краснаго Креста Народной Воин»). Какъ видно изъ объявленія на оберткѣ, брошюрка эта есть первый выпускъ изъ этой серии: за нею обѣщаются — біографіи Юлии Перовской и Николая Кибальчича. Тогда слѣдуетъ прибавить и біографію Григорьева, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ «На Родинѣ». Это стремленіе русскихъ революціонныхъ кружковъ къ изданію біографій своихъ извѣстныхъ дѣятелей ка-

жется намъ явленіемъ характеристическимъ. Независимо отъ чисто товарищескаго желанія почитать память близкихъ лицъ, мы видимъ здѣсь стремленіе отдать отчетъ обществу въ своей работѣ и жизни, а также выяснить свои собственные идеи и цѣли, посредствомъ взгляда на недавнее прошлое, и тѣмъ и другимъ выйти изъ тѣсныхъ и партіонныхъ рамокъ на широкое общественное поле. Само собою разумѣется, что послѣднее возможно только при полной искренности и фактичности историко-біографическаго изложенія.

Въ этомъ отношеніи, надо сказать, что брошюрка о Желябовѣ, равно какъ и біографическая статейка о Гришевецкомъ, производятъ самое пріятное впечатленіе. Не велико количество рассказанныхъ въ нихъ фактовъ, но вы чувствуете вполнѣ ихъ жизненную правдивость; живыя детали не только не пожертвованы ради кружковыхъ и партіонныхъ формулъ и соображеній, но часто прямо противорѣчатъ многому изъ того, что еще недавно выдавалось за догматы партіи, къ которой принадлежали герои названныхъ біографій, и что, будучи указы-

ваемо лицами, не принадлежавшими къ кружкамъ, принималось съ явнымъ раздраженіемъ въ этихъ кружкахъ*). Когда съ такою же искренностью (но съ большею полнотою) будутъ изданы біографіи десятка—другаго лицъ изъ числа русскихъ революціонеровъ, тогда, конечно, можно будетъ сдѣлать очень интересныя обобщенія. Пока двѣ изданныя біографіи интересны въ особенности потому, что показываютъ фатальность перехода русскихъ социалистовъ-пропагандистовъ въ политики-террористы, а біографія Желябова даетъ намеки и на ходъ сложенія въ средѣ этихъ послѣднихъ якобинско-централистическаго направленія, которое, по нашему глубокому убѣжденію, кончитъ тѣмъ, что принесетъ страшный вредъ прежде всего самимъ русскимъ революціонерамъ.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ одинъ документъ, который можетъ способствовать

*) Таковы, напр., въ брошюрѣ о Желябовѣ страницы о «конституціонализмѣ» Ж—ва (10, 26), объ искренности предательства Гольденберга (21—22), о разногласіяхъ между «землеольцами», о противорѣчіяхъ въ ихъ программахъ и т. д.

уясненію какъ личности Желябова, такъ и хода развитія его близкихъ, а также ихъ политическихъ идей и желаній, — а потому теперь, послѣ напечатанія брошюры о немъ, мы считаемъ возможнымъ напечатать его почти цѣликомъ, съ исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ находятся слишкомъ личныя указанія. Это письмо къ намъ Желябова, полученное нами лѣтомъ 1880 г. и изъ котораго мы уже привели разъ небольшую выдержку въ одной изъ главъ «Историч. Польша и Великорусская Демократія». Вотъ это письмо:

«Понедѣльникъ, 12 мая (1880 г.)

Многоуважаемый
Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ X. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой..... Программа журнала

«Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность»? спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулася украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства, замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу ридной Украины. Въ эту зиму вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣнъ!... Взять хоть бы этотъ уголокъ — Я видѣлъ разцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанья. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнилися старики

выгодой легальнаго положенія; медлили покинуть насиженные гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанья. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ? нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпощадныхъ? То остатки народниковъ революціонеровъ начали наступленье, но ужъ по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ — на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосягаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; правственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствию въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ на-

денія. Своевременно уступить подь благо-
виднымъ предлогомъ—таково требованіе по-
литики; но не того хочет властолюбивый
старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда
двойственность, колебаніе во внутр. поли-
тикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію под-
держки, Лорисъ родитъ упованья; но, без-
сильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь
къ пущему разочарованью. Какой удобный
моментъ для подведенія итоговъ! А между
тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное
участіе къ дѣлу революціи всего обязатель-
нѣе, когда два три толчка, при общей под-
держкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ об-
щества, всегда дряблага, многого требовать
нельзя; но русскіе революціонеры, какой
процентъ изъ нихъ борется активно? Рас-
хожденіе въ пониманіи ближайшихъ за-
дачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не
признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для
народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ
быть: за насъ Ваши литературныя произведе-
нія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша
склонность найти практическій исходъ. Къ
сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на

неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснить ее путемъ печати. Выходить въ результатъ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея чрезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народн. Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня род-

ной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ... за Учред. Собр. Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учр. Собр. въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнедль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учр. Собр. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общезвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріаль тамъ весьма цѣнный для исторіи современ-

наго движенія, а между тѣмъ онъ прова-
ливается здѣсь чуть ли не періодически.
Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на
слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собствен-
ности на архивъ остается за нами; ни одна
вещь оттуда не можетъ быть отчуждена;
2) въ отношеніи пользованія матеріалъ бу-
детъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ од-
ной можете пользоваться свободно; другая
связана съ живыми людьми и текущими
дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, по-
лучивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше
согласіе; 3) передать архивъ на храненіе
можете съ нашего согласія; 4) узнавать
насъ (редакцію «Н. В.») по паролю, за-
шифрованному ниже ключемъ, Вамъ извѣст-
нымъ *)...»

Письма этого нельзя оставить безъ нѣ-
которыхъ объясненій. Прежде всего мы
должны замѣтить, что Желябовъ не со-
всѣмъ точно передаетъ сущность отношеній

*) Ключъ этотъ оказался намъ неизвѣстнымъ.
Вѣроятно, онъ былъ переданъ намъ, при другомъ
случаѣ, да не дошелъ. Подобное случалось не разъ.

своего кружка съ тою изъ украинскихъ громадъ, которую онъ знаетъ. «Единство», о которомъ онъ говоритъ, никогда не имѣлось въ виду этою громадою, а именно имѣлась въ виду только «федерация». Единство невозможно ни для какого украинскаго кружка ни съ какимъ «русскимъ кружкомъ», ни партіей до тѣхъ поръ, пока русскіе кружки не откажутся отъ теоріи единства Россіи и не признаютъ украинскій народъ націей, совершенно на равной ногѣ съ великорусскою, польскою и т. п. со всеми практическими послѣдствіями такого признанія. Кромѣ того, не только единство, но даже тѣсный союзъ между русскими и украинскими кружками затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе кружки могутъ вполне удовольствоваться дѣятельностью въ предѣлахъ русскаго государства, Россіи, тогда какъ украинцы должны дѣйствовать и въ Австріи, — для чего необходимы, конечно, и силы, и средства, затрата которыхъ «русскимъ» всегда кажется лишнею. По этимъ и по другимъ еще причинамъ, вытекающимъ изъ различія положенія населенія великорусскаго и украинскаго, между

« русскими » и украинскими кружками возможна именно только федерация, — т. е. условная взаимная помощь, преимущественно для самозащиты отъ общаго врага и для борьбы съ нимъ, а также для достиженія ближайшей общей цѣли. Такимъ врагомъ является русское самодержавіе (одинъ изъ враговъ украинскаго населенія), — а такою цѣлью (одна изъ украинскихъ цѣлей) — политическая свобода въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, въ такомъ смыслѣ заявляла (въ 1878—79 г.) готовность къ федерации съ русскими революціонерами и та громада, о которой упоминаетъ Желябовъ. Но практическое осуществленіе такой федерации замедлялось, какъ желаніемъ со стороны русскихъ «единства, а не федерации только», такъ и тѣмъ, что въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, разные русскіе кружки говорили не отъ себя только, а непремѣнно отъ имени всей русской соц.-рев. партіи, при всѣхъ несогласіяхъ и даже противурѣчіяхъ стремленій и идей каждой изъ нихъ (которыя теперь выступаютъ наружу и въ такихъ, напр., публикаціяхъ, какъ біографія Желябова), — такъ

что нерусскимъ, украинцамъ, трудно было опредѣлить, съ кѣмъ-же и съ чѣмъ собственно они могутъ федерироваться. Въ данномъ же случаѣ между тою украинскою громадою, о которой идетъ рѣчь, и многими русскими кружками, которые тогда заявляли себя въ революціонной дѣятельности и въ печати, существовали и теоретическія разногласія. Такъ, напр., украинцы не могли присоединиться къ такому «народничеству», такому «агитированію на почвѣ народныхъ требованій», какое выразилось въ чигиринскомъ самозванствѣ (построенномъ, между прочимъ, на основѣ болѣе великорусской, нежели украинской), которое тогда было восхваляемо въ южныхъ русскихъ кружкахъ (см. между прочимъ въ брошюрѣ о Желябовѣ, стр. 15) и въ «Землѣ и Волѣ»*).

*) Въ письмѣ Ж. намѣчено, какъ въ русскихъ кружкахъ «научный социализмъ» смѣнился «народничествомъ». Украинскіе социалисты, напротивъ, представляютъ выходъ изъ украинфильскаго народничества къ европейско-научному политическому и соціальному направленію. Направленіе это, конечно, обязываетъ сообразоваться съ особенностями страны и населенія, но не подчиняться имъ до нарушенія н а у ч н ы хъ принциповъ.

Не соглашалась упомянутая украинская громада также признать тайныя убійства шпіоновъ, предателей, чиновниковъ и т. п. дѣломъ принципиальнымъ и партіоннымъ, а не случайнымъ, которое слѣдуетъ брать на чисто личную совѣсть, — и признавала изъ дѣйствій оружіемъ принципиальными дѣлами только открытую самооборону и такое же нападеніе на политическую власть. Вопросъ о царубійствѣ тогда не былъ еще поднимаемъ въ опредѣленной формѣ, но за сказанными сейчасъ ограниченіями, въ украинскихъ кружкахъ могло бы встрѣтить себѣ дѣятельное и систематическое сочувствіе только такое покушеніе на царя, какъ нападеніе Березовскаго, который (прямо) поднялъ руку не только на тирана вообще, но и на тирана своей родины, — такъ какъ только такое тиранубійство, мотивированное извѣстными прокламаціями къ украинскому населенію и рѣчами на судѣ, дѣйствительно могло бы произвести глубокое впечатлѣніе на это населеніе*).

*) Читая біографію Ж—ва, видишь, какъ и на него имѣли вліяніе и украинская кровь съ мате-

Вотъ главные причины, которыя заставляли украинцевъ «медлить покинуть насиженные гнѣзда» и пристать въ то «единство», котораго желалъ Желябовъ. А что они далеко «не соблазнялись легальнымъ положеніемъ», это подтверждается и словами письма: «и погибли славные люди и начинанья» (вѣрнѣе—продолженія), погибли, впрочемъ, надѣмся, далеко не окончательно.

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ письма Ж—ва. Намъ нѣсколько совѣстно печатать строки, въ которыхъ попадаются не въ мѣру любезныя относительно насъ слова, но читатель видитъ, что ихъ трудно выкинуть изъ фразъ, выражающихъ мысли и желанія самого автора письма и его друзей. Для

ринской стороны (отъ казачки Полтавской губерніи. Кстати скажемъ издателямъ біографіи, что въ Херсонской губ. малор. казаковъ нѣтъ, а есть они только въ Черн. и Полт.) и впечатлѣнія украинской поэзіи и исторіи. Но между товарищами Ж—ва были и болѣе чистые украинцы, — и ни одинъ изъ нихъ ни въ печати, ни въ публичной рѣчи не вспомнилъ своей родины и своего народа! Таково давленіе въ данномъ случаѣ не одной официальной школы, но и унитарныхъ доктринъ русскихъ «официальныхъ социалистовъ», употребляя выраженіе Желябова!

полной характеристики тѣхъ и другихъ мы должны прибавить нѣкоторыя объясненія особенно къ тому, что не совсѣмъ ясно сказано въ письмѣ или на что сдѣланъ только намекъ, который долженъ былъ развить податель письма.

Особенно требуетъ объясненій второе предложеніе, которое дѣлалъ намъ Ж—въ по порученію товарищей. Это предложеніе и есть центральный пунктъ всей послѣдней половины письма Ж—ва. Ж—въ очень хорошо понималъ необходимость литературной пропаганды идей его группы (какъ ни странно, а приходится отмѣчать это пониманіе, какъ похвальную черту въ русскомъ дѣятелѣ) въ Россіи и даже передъ заграничной публикой (послѣднее тоже надо поставить въ особую похвалу Желябову, какъ русскому дѣятелю). Но съ этой стороны группа «русскихъ соціальныхъ революціонеровъ», поставившая себѣ цѣлью добиться въ Россіи политической свободы, или даже «конституціи», — была въ 1879—1880 г. въ очень странномъ положеніи, особенно передъ заграничной публикой. Она здѣсь не имѣла вовсе своихъ прямыхъ представите-

лей. Большинство русской эмиграции этого времени состояло: а) изъ старыхъ «соціал-демократовъ» (цѣлѣта «Впередь»), которые слишкомъ долго боролись, вѣдѣ за своими нѣмецкими образцами, съ либералами, «изъ за классовыхъ интересовъ»*), а въ то же время слишкомъ горячо полемизировали противъ всякаго «бунтарства», чтобъ стать на сторону «конституціонализма» людей въ родѣ Желябова и въ то же время ихъ «терроризма»; б) изъ старыхъ «анархистовъ», которые нѣкогда въ своихъ органахъ сочувственно относились къ «бунтарству», «пропагандѣ фактами» и т. п.,—но съ полнымъ отвращеніемъ смотрѣли на всякую «политику»; в) изъ нихъ, которые писали и говорили публично по французски, слишкомъ усердно доказывали, что всякое государство, даже и швейцарская федеративная республика, такая же тиранія, какъ и російская деспотія, чтобъ стать, по крайней мѣрѣ сразу, искренними защитниками народновольтерскихъ требованій «учредительнаго

*1) Сравни эту борьбу съ идеями Ж—ва, изображенными на стр. 10 его біографіи.

собрания». (Одинъ изъ видныхъ людей этой категоріи имѣлъ откровенность прямо сказать одному изъ наиболѣе зараженныхъ «политическими повшествами» землевольцевъ, приглашавшему кой-кого изъ эмигрантовъ писать въ «Землю и Волю» послѣ лѣта 1879 г., что писать онъ не будетъ, такъ какъ онъ провидитъ въ новѣйшихъ «политикахъ» — «будущихъ нашихъ враговъ»); с) изъ «чернопередѣльцевъ», только что явившихся послѣ напечатанія 1 № ихъ журнала^а съ полемическими замѣчаніями противъ «политиковъ», замѣчаніями, которыя станутъ теперь болѣе понятными послѣ брошюры о Ж—вѣ^{*}).

*) Была еще одна группа въ эмиграціи, т. наз. набатчиковъ, въ числѣ которой находилась и довольно замѣтная литературная сила, которая могла бы очень пригодиться въ революціонной публицистикѣ именно новѣйшаго народновольскаго направленія. Группа эта не переставала говорить еще съ 1874 г. о необходимости активной политической борьбы противъ русскаго правительства, но примѣшивала въ свои писанія крайне несимпатическіе приемы, такъ, что вызвала противъ себя почти общее нерасположеніе въ средѣ русскихъ революціонеровъ. Оно выразилось, между прочимъ, заявле-

Правда, что въ парадныхъ случаяхъ всё эти категоріи говорили о «мужественныхъ борцахъ противъ русскаго царизма», какъ о своихъ братьяхъ, а въ такія минуты, какъ, напр., время ареста Гартмана въ Парижѣ, и классовые противники всякой буржуазіи, и анархисты, и народники бросались и къ «буржуа» Клемансо, и даже къ «диктатору» Гамбетѣ и М-е Adam, напоминали французамъ 1789 г., а швейцарцамъ Теля (мифическаго) и республику, — но отъ этого туманъ представленій о томъ, чего же собственно добиваются русскіе революціонеры, едва ли даже не усиливался, — и Желябовъ совершен-

ніемъ, напечатаннымъ въ 8 — 9 № «Общины», о томъ, что «у русскихъ соц.-революціонеровъ ни съ издателями «Набата», ни съ теоріями, которыя они проводятъ, ничего общаго быть не можетъ». (Подписано: Ив. Бохановскій, Л. Дейчъ, Вѣра Засуличъ, Сергій Кравчинскій, Яковъ Стефановичъ). Интересны между прочимъ въ этомъ заявленіи слова, — что русскіе революціонные «кружки не подчинены никакой центральной власти; они организованы на началахъ федеративныхъ и признають основнымъ принципомъ своихъ убѣжденій, что освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». (Курс. подл.)

но былъ правъ, когда писалъ намъ, что «комментаторами стремленийъ его партіи за границей являются лица, отрицающія ихъ вполне или въ значительной степени».

Между тѣмъ группа русскихъ «террористовъ» все больше и больше заставляла говорить о себѣ и З. Европу. Въ печати этой послѣдней тоже не было органовъ, которые бы могли стать «комментаторами» дѣйствій и стремленийъ группы. «Народовольцы» продолжали называть себя «соціально-революціонной партіей», а потому вся несоціалистическая печать въ Европѣ смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ и даже враговъ. Имя же «нигилистовъ», которое давали русскимъ революціонерамъ и употребленіе котораго поддерживали даже нѣкоторые изъ русской эмиграціи, еще болѣе отталкивало отъ нихъ европейское общественное мнѣніе, даже въ весьма радикальныхъ кругахъ. Изъ органовъ соціалистическихъ, изданія соціально-демократовъ, преимущественно нѣмецкихъ, съ которыми были связи и у русскихъ соціально-демократовъ, отреклись всѣми силами отъ русскаго

терроризма и нигилизма и по временамъ даже ругали ихъ довольно неприлично. Органы же анархическіе, преимущественно французскіе, (а также бланкистскіе, съ которыми, собственно, ничего общаго не должны бы имѣть анархисты) восхваляли русскихъ террористовъ, называя ихъ своими братьями и ставили ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, и тѣмъ, конечно, возбуждали противъ этихъ «русскихъ братьевъ» всю свою сколько нибудь умѣренную публику, которая опасалась, что динамитный способъ политической борьбы появится и въ европейскихъ конституціонныхъ странахъ и республикахъ. Сгоряча иные заграничные панегристы русскихъ «нигилистовъ» (друзья ихъ такъ и называли!), желая представить своихъ братьевъ людьми рѣшительными и повсемѣстными, повторяли о нихъ всё выдумки и даже клеветы русскихъ и заграничныхъ консерваторовъ и даже просто досужія фантазіи газетчиковъ (преимущественно австрійскихъ), приписывая имъ разныя дѣянія до поджоговъ городовъ и крупныхъ кражъ и вымогательствъ денегъ. Тѣ русскіе эмигранты, которые принимали участіе въ загра-

ничной социалистической печати и собранияхъ (преимущественно анархическаго направления) поставили себя въ еще болѣе ложное положеніе, чѣмъ масса эмигрантовъ: по чувству товарищества и по другимъ соображеніямъ, они заявляли свою солидарность съ «братьями, борющимися въ Россіи», но въ то же время скрывали отъ своихъ западно-европейскихъ единомышленниковъ и тѣхъ противныя западно-европейскимъ теоріямъ и практикѣ приемы, къ какимъ прибѣгали русскіе народники (въ родѣ самозванщины), и тѣ раздѣленія, какія обнаружались въ русскихъ социалистическихъ кругахъ, когда жизнь поставила передъ ними политическій вопросъ, уже порѣшенный въ Европѣ еще до отдѣленія социалистическихъ партій отъ партій либеральныхъ,—и, наконецъ, то, что ближайшія политическія требованія русскихъ террористовъ въ сущности сводятся къ программамъ европейскихъ буржуазныхъ либераловъ или же якобинцевъ-государственниковъ, а дальнѣйшія—къ программамъ социалистовъ-государственниковъ, т. е. во всѣхъ трехъ случаяхъ къ программамъ партій, съ которыми социалисты-анархисты такъ оже-

сточенно борятся на западноевропейской почвѣ. *)

*) Когда, по убіеніи Александра II, скрыть многое стало невозможнымъ, такъ какъ во всѣхъ газетахъ напечатаны были прокламаціи Исполнительнаго Комитета и письмо его къ Александру III, тогда одна французско-швейцарская анархическая газета (которая такъ скрыла отъ своей публики слишкомъ уже московско-народническія фразы прокламаціи И. К. къ крестьянамъ о «царѣ—добромъ пастырѣ») перепечатала и самое письмо къ А-ру III, но нашлась довольно неловко, придавая этому письму значеніе только ловкаго приѣма. «Конечно, говорила эта газета. — если бъ И. К. писалъ для нашихъ секцій Интернаціонала, то онъ бы не написалъ того, что онъ написалъ А-ру III. Тамъ пишутъ для нуждъ борьбы, а не пропаганды. Для пропаганды они даютъ свою кровь: надо жъ имъ дать волю употреблять, какъ они хотятъ, чернила. Документъ, который мы опубликовали въ послѣднемъ №, есть образецъ такта и политики, пріобрѣтенной этой молодой партіей дѣйствія.. За чѣмъ требовать много, когда знаешь навѣрно, что царь не дастъ ничего? Если бъ было хоть малѣйшее сомнѣніе, что царь дастъ что нибудь, то это было лучшимъ резонаномъ не просить у него ничего»... («Le Révolté», 1881, № 5). Это писалось какъ разъ въ то время, когда реакціонеры въ Россіи и Европѣ говорили, что Исп. К. надѣваетъ овечью шкуру, чтобъ морочить людей, а что послушайся его царь и созови земскій

Можно себя представить, какой, при вышеизложенной разногласицѣ политическихъ мыслей разныхъ группъ въ эмиграціи и въ Россіи и при манерѣ каждой изъ нихъ говорить непременно за цѣлую «русскую социальную-революционную партію», долженъ былъ образоваться у публики, особенно западной, туманъ понятій на счетъ настоящихъ стремленій русскихъ революціонеровъ вообще, и новой, наиболее активной фракціи ихъ въ особенности, и какъ этотъ туманъ былъ выгоденъ для русскаго правительства и реакціонеровъ въ Европѣ. Желанію и его ближайшимъ друзьямъ дѣлать величайшую честь то, что, при всѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ они жили, и при всей фактической оторванности

соборъ съ разными либеральностями, такъ волки И. К. не только «налить не перестанутъ», а еще пуще начнутъ.—Какъ характерное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ новѣйшихъ статьяхъ русскихъ эмигрантовъ для европейской публики, напр., въ статьѣ кн. Петра Краноткина въ «Fortnightly Review», письму Им. К. къ Александру III-му придается значеніе вполне серьезнаго, искренняго документа, а не только ловкаго пролитія чернилъ.

отъ западной Европы, въ какой живеть средній російскій дѣятель, — они все таки поняли настоящую необходимость разсѣять этотъ туманъ передъ публикой не только въ Россіи, но и въ З. Европѣ и пожелали имѣть вѣрнаго «комментатора» своихъ стремленій и дѣйствій въ этой послѣдней.

Но выборъ этаго «комментатора» въ нашемъ лицѣ былъ очень не удаченъ, — какъ это мы откровенно и заявили подателю письма Желябова.

Въ поясненіе словъ письма: «Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе въ Европѣ въ нашу пользу» — податель письма сказалъ намъ, что Ж — въ желалъ бы, чтобъ мы писали на какихъ либо иностранныхъ языкахъ статьи о настоящихъ стремленіяхъ его группы, указывая на связь этихъ стремленій съ общеевропейскими идеями и обращая вниманіе на то, что въ настоящее время группа эта добивается того мѣнѣйшаго человѣческихъ правъ, политической свободы, безъ которой ни одно европейское общество уже не можетъ представить себѣ своего существованія. Въ

особенности просилъ податель письма Ж—ва противудѣйствовать приложенію къ его группѣ клички «нигилистовъ», какъ невѣрной по своей сущности, такъ и отдѣляющей русское революціонное движеніе отъ всего цивилизованнаго міра.

Тутъ не мѣсто излагать подробно все содержаніе нашихъ разговоровъ съ подателемъ письма; мы скажемъ лишь ровно столько, сколько нужно для уясненія идей той среды, изъ какой вышло и это письмо, и его податель. На предложеніе «склонять въ пользу русскихъ революціонеровъ общественное мнѣніе въ З. Европѣ», мы отвѣчали указаніемъ на то, что и прежде, при всякой возможности, мы сообщали въ разные изданія свѣдѣнія о положеніи Россіи и о ея революціонномъ движеніи, если не прямо въ пользу русскихъ революціонеровъ, то противъ ихъ врага, русскаго правительства *). Мы заявили, что впредь мы съ ра-

*) Какъ на послѣднее сообщеніе въ такомъ родѣ мы указывали на листокъ: «A l'opinion publique des peuples civilisés», изданный нами во время ареста г. Гартмана и перепечатанный множествомъ журналовъ Европы, Америки и колоній.

достью готовы увеличить число такихъ со-
общеній, если намъ доставлены будутъ ма-
теріалы, особенно, напр., архивъ, о кото-
ромъ говорилось въ письмѣ. Но взять на
себя спеціальную миссію посредника между
какою бы то ни было русскою партіей и
европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, мы
не могли, такъ какъ, оставивши даже
въ сторонѣ крупныя теоретическія разно-
гласія наши съ существующими русскими
фракціями, мы ни къ какой русской партіи
не принадлежимъ и, по нашей спеціальной
работѣ для нашей украинской родины, и
принадлежать не можемъ. Мы совѣтовали
Ж—ву и друзьямъ его выступить передъ
западно-европейскою публикою прямо, вос-
пользовавшись какимъ либо случаемъ или
статьями о дѣлахъ русскихъ въ загранич-
ныхъ изданіяхъ, — при чемъ можно было
бы прямо и рѣшительно выступить и
противъ клички: нигилисты и также
рѣшительно устранить усердныя объятія
мало знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ
Россіи, откровенно поставивъ передъ разны-
ми партіями въ Европѣ, социалистическими
какъ и не социалистическими (само собою

разумѣтся, также какъ и передъ т. н. обществомъ и народомъ въ Россіи), ту политическую задачу, которая наложена въ Россіи на активныхъ социалистовъ обстоятельствами, въ какихъ находится эта страна, — и не смущаться, что эта задача дѣйствительно теперь оказывается болѣе либеральною, чѣмъ социалистическою въ з. европейскомъ смыслѣ, что она похожа на ту, которую выполнили либералы въ Англіи въ XVII в., во Франціи въ XVIII в., въ Германіи въ первой половинѣ XIX в. Мы полагали, что, при такой постановкѣ дѣла на чистоту, здравомыслящая часть социалистовъ на Западѣ не потеряетъ къ нему сочувствія, а въ то же самое время движеніе въ Россіи найдетъ себѣ дѣятельное сочувствіе и среди искреннихъ людей всѣхъ лѣвыхъ партій на Западѣ, особенно въ радикальныхъ партіяхъ Италіи, Англіи и Америки *).

*) Такъ какъ вопросъ этотъ не потерялъ своего значенія и теперь, то мы, при семъ случаѣ, попросимъ у благосклоннаго читателя немножко терпѣнія для прочтенія настоящаго примѣчанія. Такой харак-

Обращая вниманіе своего собесѣдника на то, въ какомъ направленіи могло бы идти желанное Ж—вымъ «склоненіе на сто-

теръ обращенія не только, такъ сказать, къ отъявленнымъ социалистамъ, но даже шире, чѣмъ ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ, носятъ (если не считать прокламаціи Исп. К. во время ареста Гартмана, въ подлинности которой мы нѣсколько сомнѣваемся) прокламація Исп. Ком. «къ европейскому обществ. мнѣнію» послѣ убіенія Александра II и недавнее воззваніе къ сборамъ въ пользу «Общ. Кр. Кр. Н. Воли». Послѣднее могло бы производить особенно сильное впечатлѣніе, если бы дѣло не было испорчено неудачной формальной его постановкой, какъ заграничнаго явнаго отдѣленія русскаго тайнаго общества!!! Россійскіе инициаторы этого предпріягя, сдѣлали эту ошибку, конечно, главнымъ образомъ, по незнанію условій европейской жизни, но ихъ заграничные друзья обязаны были указать имъ эту ошибку, — и тогда упомянутое дѣло имѣло бы несомнѣнный успѣхъ, какъ денежный, такъ и значеніе крупной демонстраціи европ. общ. мнѣнія противъ русскаго абсолютизма. Конечно, заграничные друзья «Н. Воли» допустили вышеупомянутую ошибку не только по несообразности, но и потому, что не вошли въ основую, совершенно новую для многихъ «русскихъ социальныхъ революціонеровъ» мысль «народовольцевъ» обращаться не къ однимъ только «официальнымъ» кружкамъ социалистовъ-революціонеровъ, —

рону» революціонеровъ въ Россіи общественнаго мнѣнія въ 3 Европѣ, мы указывали и на необходимость провѣрки, сообразно 3. европейскимъ научнымъ идеямъ и соотвѣтственнымъ имъ привычкамъ общества,

но ко всѣмъ «друзьямъ свободы» и даже ко всѣмъ «людямъ сердца». Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было въ данномъ случаѣ, но очевидно, что въ послѣднее время, начиная съ парижскаго ареста Гартмана, «русскіе социалисты революціонеры», особенно «народновольцы» приблизились на практикѣ къ такой точкѣ зрѣнія, которую мы изложили выше въ текстѣ. Но съ теоретической стороны эта точка зрѣнія, затрогивающая важный вопросъ о союзахъ между партіями, которыхъ не всѣ стремленія одинаковы, — встрѣчаетъ еще горячія возраженія. Мы не имѣемъ мѣста пускаться въ разборъ этихъ послѣднихъ, но пригласимъ читателя подумать самому надъ такими, напр., соображеніями: если осуществленіе идеала социализма требуетъ несомнѣнно самаго широкаго развитія въ людяхъ привычекъ согласованія между собою, — то откуда возьмутся въ обществѣ эти привычки, если каждая партія, считающая себя болѣе прогрессивною, будетъ прежде всего рвать тѣ нити, которыя выработались уже между людьми предъидущею исторіей борьбы ихъ съ началами реакціонными, — а не сохранять эти нити, конечно, вовсе не отказываясь отъ дальнѣйшаго движенія?

и многихъ теорій и дѣйствій, исходившихъ въ послѣднее время изъ среды русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и выдававшихся, по обыкновенію русскихъ кружковъ, за общепартіонныя дѣйствія и теоріи. Такъ, мы считали необходимымъ старательно провѣрить съ точки зрѣнія европейскихъ научныхъ соціально-политическихъ теорій, — которыя не могли не быть въ общихъ чертахъ вѣрны и въ Россіи, — многія заявленія и приемы т. н. «народничества», такія дѣйствія, какъ, напр., самозванщина, и, наконецъ, обращали вниманіе нашего собесѣдника на то дурное впечатлѣніе, какое производятъ на общество въ Европѣ, — какъ и въ Россіи, — всякія «благочестивые обманы» (*ribe fraudes*), особенно кражи съ революціонными цѣлями, да еще съ покушеніями на убійства (см. особенно кievскіе процессы о покушеніяхъ на почты и полковыя ящики). Мы полагали, что для Исп. Ком. настoитъ необходимость выдвинуть на болѣе видное мѣсто принципы своего дѣла и рѣшительно разорвать со многими проявленіями эквилибристики и эмпиристики (конечно, съ благими цѣлями) «народниковъ» и слишкомъ уже «пракги-

ческихъ» революціонеровъ*). Все это, полагали мы, Исп. Ком. могъ бы сдѣлать прямыми деклараціями къ обществу въ Россіи и за границей, безъ всякихъ посредниковъ, роль которыхъ свелась бы развѣ на обязанность помочь распространенію этихъ декларацій въ разныхъ странахъ.

Мы лично соглашались охотно принять на себя подобную обязанность; если же Ж—овъ и товарищи его хотѣли отъ насъ роли «комментатора», то, — говорили мы, —

*) Нѣчто подобное сдѣлано въ деклараціи Исп. Ком. по поводу слуховъ о поступленіи въ его распоряженіе денегъ, украденныхъ въ Воспит. Домѣ, — но, къ сожалѣнію, во первыхъ, слишкомъ поздно и, во вторыхъ, все таки не достаточно категорично (см. о томъ нашу замѣтку въ 21 № «Вольнаго Слова»). Вообще, какъ этимъ заявленіемъ, такъ и другимъ по поводу смерти Гарфильда, посланіями къ Александру III и къ европ. общ. мнѣнію — Исполн. Ком. показалъ присутствіе у него здороваго чутья относительно настоящаго своего положенія и интересовъ своей группы, но все таки не обнаружилъ достаточной смѣлости радикально разорвать съ старой кружковой фразеологіей и тѣми, такъ сказать, хвостами «р. революціонной партіи», которые, только вредятъ ей и своимъ неумѣлымъ усердіемъ, и своей «нигилистичей» болтовней.

мы могли бы только продолжать начатую уже роль комментатора возможно объективнаго, т. е., свободнаго историка и критика какъ дѣйствій русскаго правительства, такъ и разныхъ группъ революціонеровъ въ Россіи. Быть же комментаторомъ субъективнымъ — мы отказывались тѣмъ болѣе, что, какъ можно было судить, по крайней мѣрѣ, по всему, что тогда и передъ тѣмъ печаталось и говорилось отъ имени русскихъ соц.-революціонеровъ и террористовъ (начиная отъ прокламаціи «Смерть за смерть» и оканчивая брошюрою г. Тарновскаго «Терроризмъ и рутина», написанною противъ нашего листка «Терроризмъ и свобода», и брошюрою Н. Морозова «Террористическая борьба», о которыхъ намъ довелось говорить въ послѣдующихъ бесѣдахъ нашихъ съ довѣреннымъ Ж — бова), — между мнѣніями русскихъ террористовъ и нашими (которыя мы выражали нѣсколько разъ съ 1878 г., начиная съ «Листка Громады») существовали крупныя различія. Въ противность названнымъ листкамъ и брошюрамъ, которые говорили отъ имени цѣлой партіи, мы находили, что русскій тер-

роризмъ, т. е., собственно политическія убійства (т. е., нѣчто совершенно отличное даже, напр., отъ извѣстнаго терроризма французскаго), есть только реакція русской правительственной системѣ, — вполнѣ естественная, но все таки патологическая, какъ и система, ея породившая, — реакція вполнѣ понятная, а потому и оправдываемая (по изреченію: *comprendre, c'est pardonner*), но вовсе не нѣчто такое, что можно возводить въ теорію и систему, а еще менѣе — нѣчто такое, въ чемъ бы можно было видѣть извѣстный новый и универсальный способъ политической борьбы. Такой взглядъ свой мы считали не только болѣе вѣрнымъ теоретически, но и болѣе практичнымъ, по ея вліянію на общество, которое прежде всего нужно приводить къ сознанію необходимости бить не по оглоблямъ, а по коню, т. е. по русскому правительству. Взглядъ же теоретиковъ и систематиковъ терроризма мы считали за вредный, какъ потому, что онъ, справедливо возмущая общественную совѣсть, наклонялъ ея въ пользу правительства, такъ и потому, что онъ создавалъ въ русскомъ обществѣ, и безъ того воспи-

танномъ въ привычкахъ субъективнаго произвола, новые прецеденты крайне опасные для будущей политической жизни и борьбы партій, такъ, наконецъ, и потому, что оправданіе произвола (а что въ основѣ террористическаго ученія лежитъ идея личнаго произвола, это мы считаемъ за аксіому) притягиваетъ къ партіи личности сомнительныя, которыя непременно окажутся вредными ей же, какъ болтливый и нечистый хвостъ, а то и просто, какъ предатели*). Вотъ почему, при всемъ уваженіи къ энергіи и самоотверженію активныхъ русскихъ террористовъ, при всемъ убѣжденіи, что избранныя личности изъ нихъ, согласно положенію: «чистому все чисто», съумѣютъ пронестись надъ всеми опасностями теоріи исключительныхъ мѣръ и партіонной нравственности**), мы,

*) Собственно, и теорія «священныхъ обмановъ» есть только видъ того же ученія, которое лежитъ въ основѣ террористической теоріи, т. е., ученія, которое ставитъ критеріумомъ дѣйствій личный произволь.

***) Это теперь и подтверждается интересными подробностями біографій Желябова, Перовской, Гриневецкаго и Кибальчича

при всякомъ проявленіи русскаго «террора», а особенно при попыткѣ возвести его въ теорію, — считаемъ необходимымъ, конечно, прежде всего нападать на русское правительство, но затѣмъ бороться также и съ возведеніемъ «террористической борьбы» въ принципъ.

Все это мы изложили, конечно, гораздо обстоятельнѣе, нашему собесѣднику.

Къ нѣкоторому нашему удивленію, товарищъ Ж—ва обнаружилъ гораздо большую близость къ нашимъ идеямъ, нежели къ воззрѣніямъ названныхъ прокламацій и брошюръ террористовъ-теоретиковъ. (Наше удивленіе происходило, между прочимъ, оттого, что мы тогда не достаточно знали, что распространенная у россіянъ манера говорить не отъ себя лично, а отъ цѣлой партіи—вовсе не означаетъ существованія дѣйствительныхъ на то полномочій. Послѣ мы имѣли случай наглядно убѣдиться, что не только личности, во всякомъ случаѣ почетенныя и съ заслугами въ своей партіи, какъ гг. Морозовъ и Тарновскій, но и всякій досужій можетъ, благодаря запасу развязности въ однихъ россіянахъ и

пассивности въ другихъ, влѣзть на трибуны, то депутатскія, прокурорскія, адвокатскія, и говорить какъ будто заправская «уполномоченная особа»). Особенно рѣшительно возставалъ товарищъ Желябова противъ возведенія политическихъ убійствъ въ универсальное средство и приложенія ихъ въ странахъ, пользующихся извѣстной политической свободой. Его слова, а также заявленія, какія намъ удалось слышать отъ нѣкоторыхъ другихъ испытанныхъ русскихъ революціонеровъ того же лагеря, — дали намъ право сдѣлать въ горячее время заявленіе въ такомъ родѣ въ брошюрѣ: «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale» (ст. 11, примѣчаніе *). Что собесѣдникъ нашъ передалъ вѣрно мнѣнія своей группы, — это подтвердилось потомъ

*) «Quant aux terroristes russes proprement dits, nous pouvons affirmer, de la manière la plus positive, que plusieurs d'entre eux sont d'avis que les assassinats politiques sont complètement superflus et inutiles dans les Etats où les citoyens jouissent de la liberté politique.

заявленіемъ «Н. Воли» по поводу смерти Гарфильда. Но, почти соглашаясь съ нами въ принципахъ, товарищъ Желибова былъ другаго мнѣнія относительно практичности критическаго отношенія ко всѣмъ заявленіямъ и дѣйствіямъ русскихъ революціонеровъ; — критику онъ называлъ полемикой и находилъ ее во всякомъ случаѣ несвоевременной, такъ какъ она-де ослабляетъ значеніе партіи и можетъ быть принята и ея сторонниками, и ея противниками за борьбу противъ партіи и даже противъ ея цѣлей. (Нельзя пропустить безъ вниманія, что какъ человѣкъ благовоспитанный и съ достоинствомъ и, въ добавокъ, какъ человѣкъ, лично бывавшій въ огнѣ, собесѣдникъ нашъ не говорилъ ни слова о неумѣстности критики «въ виду свѣжихъ могилъ мучениковъ» и т. п.). Мы, конечно, отвѣчали на это, что надо имѣть больше довѣрія къ здравому смыслу общества (революціонеровъ и мирныхъ обывателей), который различитъ свободную критику отъ «бросанія грязью», — и что критика, если она хочетъ имѣть какое либо практическое значеніе, должна раздаваться именно «въ

горячую минуту», а не тогда, когда событія станут достояніемъ «Русской Старины». Но все таки собесѣдникъ нашъ остался неубѣжденнымъ съ этой стороны.

Гораздо большія разногласія оказались у насъ по одному, чрезвычайно въ нашихъ глазахъ важному предмету, котораго мы должны были коснуться, обсуждая первый запросъ, обращенный къ намъ въ письмѣ Ж—бова: сказать наше мнѣніе о напечатанной программѣ его группы, — а также дойдя до предложеній: «принять участіе въ злобѣ дня родной страны» и сотрудничать въ «Н. Волѣ». Относительно участія въ злобѣ дня вообще, мы отвѣтили, что, принимая во вниманіе изреченія: «знай, сверчокъ, свой шестокъ» и «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ» и проч., — мы, какъ литераторъ ремесломъ, и не можемъ принимать инаго участія въ злобахъ дня, кромѣ литературнаго, при чемъ направляемъ нашъ трудъ главнымъ образомъ именно на родную страну (Украину въ Россіи и Австро-Венгріи), не чуждаясь, конечно, и злобъ дня одного изъ тѣхъ государствъ, въ которое попала значительная часть этой

страны*). Но тутъ то именно намъ и пришлось указать, что въ программѣ группы Желябова нѣтъ и помину о нашей родинѣ и ея народѣ (какъ и вообще о невеликорусскихъ краяхъ и народахъ Россіи), да и вообще вопросъ областной, федеративный слишкомъ затертъ, — а это, говорили мы, тѣмъ болѣе жаль, что безъ признанія федеративнаго начала не возможно не только основать дѣйствительную политическую свободу въ Россіи, но и вызвать въ ней какое нибудь широкое движеніе къ достиженію этой свободы. Вотъ объ этихъ вопросахъ мы съ радостью предлагали написать въ «Н. Волю». Собесѣдникъ нашъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, иныхъ мнѣній. Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, упо-

*) Мы много разъ встрѣчались у «русскихъ» съ такимъ отношеніемъ къ работамъ для Украины, по которому эти работы являлись вовсе не дѣломъ, а, если не фантазіей и прихотью, то во всякомъ случаѣ чѣмъ то второстепеннымъ, котораго можно и не замѣчать, если не прямо сожалѣть о немъ, какъ объ отклоненіи отъ «настоящаго дѣла». Не беремъ судить, на сколько въ любезномъ приглашеніи къ намъ Ж—ва «принять участіе въ злобѣ дня» отразилось это отношеніе.

мянутый нами выше членъ «Земли и Воли», человекъ, котораго мы глубоко уважаемъ, откровенно сказалъ намъ въ подобномъ же разговорѣ (онъ тоже приглашалъ насъ писать въ «Землю и Волю»), что онъ «рѣшительно не понимаетъ цѣли поднятія вопроса о разнаціональномъ составѣ Россіи при вопросѣ о революціи въ ней, даже политической». Теперь членъ «Нар. Воли», нѣ видѣ крайней уступки намъ, — говорилъ: «можетъ быть, Вы и правы, но мы вовсе не такъ убѣждены въ конечной необходимости принципа федеративнаго въ томъ дѣлѣ (борьбы за политическую свободу), которому мы предались».

Таковы были и его послѣднія слова, сказанныя намъ передъ отъѣздомъ въ Россію, куда онъ, по обстоятельствамъ, не могъ взять нашего письма въ отвѣтъ Ж—бову, а взялся передать наши отвѣты на словахъ. Какъ онъ передалъ ихъ и какъ они были встрѣчены, объ этомъ мы не узнали. Теперь мы знаемъ, что Ж—бовъ былъ слишкомъ занятъ «дѣломъ 1 Марта», чтобъ думать о другомъ. Мы узнали объ арестѣ Ж—бова и о 1 Марта почти въ одно вре-

мя и поспѣшили выполнить нѣкоторыя изъ его просьбъ, какъ велѣла намъ наша совѣсть: рѣчью на женевскомъ международномъ собраніи 18 Марта 1881, поводъ къ которой дала намъ присланная на наше имя изъ Парижа для прочтенія на собраніи депеша отъ французскихъ анархистовъ къ «русскимъ нигилистамъ», а также брошюрой «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale». Последняя не понравилась многимъ социалистамъ-революціонерамъ, русскимъ и западнымъ, но къ крайнему нашему удовольствію и, какъ, надѣемся, читатель повѣритъ намъ, вовсе не самолюбивому, — рѣчи Суханова, Исаева, (отчасти и самого Желябова) и письмо Исп. Ком. къ Александру III, оказались, по своимъ основнымъ идеямъ, не очень удаленными отъ того взгляда на значеніе террористическаго движенія въ Россіи, который высказанъ въ этой брошюрѣ. Мы твердо убѣждены, что такія рѣчи, какъ Сухановская, и такія статьи для Запада, какъ статья кн. П. Крапоткина въ «Fortn. Review», гораздо болѣе послужатъ въ пользу политическаго переворота въ Россіи,

чѣмъ прежніе опыты возведенія терроризма въ теорію, да еще универсальную.

Но возвратимся ближе къ письму Желябова. Въ началѣ его онъ упоминаетъ о двухъ нашихъ личныхъ съ нимъ встрѣчахъ. О нихъ стоитъ сказать два слова. Первую встрѣчу мы только потому можемъ признать, что о ней говоритъ самъ Ж. Произошла она у нашего стараго знакомаго, когда то ревностнаго украинофила, а въ то время (въ 1873 г.) столь же ревностнаго «впередовца» (мы о немъ вспоминали на стр. 359—360 «Ист. Польша и Велик. Демократія»). Мы зашли къ нему отдать отчетъ въ исполненіи одной просьбы его и его сожителя. Оба хозяина приняли насъ въ первой комнатѣ, а въ другой сидѣли нѣсколько тѣхъ «нигилистовъ», о которыхъ говоритъ письмо Ж—ова, и среди которыхъ былъ, какъ оказывается, и его авторъ. Хозяева насъ съ «нигилистами» не познакомили. Разговоръ нашъ съ хозяевами мало по малу перешелъ на темы, на которыя мы сцѣплялись съ однимъ изъ нихъ нѣсколько разъ еще въ Цюрихѣ. — а именно: 1) не слѣдуетъ ли теперь въ Россіи доби-

ваться прежде всего политической свободы и 2) могут ли что либо сдѣлать существеннаго на югѣ Россіи т. наз. тогда «радикалы», не заимствуя чего либо у т. наз. «украинофиловъ»? Мнѣнія наши, о которыхъ читатель, конечно, догадывается, сопаривались хозяевами квартиры. «Нигилисты» же, сидѣвшіе въ другой комнатѣ и по временамъ входившіе въ первую то за чаемъ, то за табакомъ, молчали, но, видимо, были не на сторонѣ «конституціоналиста» и «узкаго націоналиста». И молчали то «нигилисты», видимо, потому что считали лишнимъ даже опровергать «такую ерунду».

Другую встрѣчу съ Ж—ымъ, въ 1875 г., мы отлично помнимъ. Мы видѣлись нѣсколько разъ. Въ первый разъ мы увидѣли его на собраніи полугласнаго комитета, который занимался собираніемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину (это было за годъ до офиціознаго Черняевскаго похода). Двое сербовъ, трое украинцевъ (одинъ австрійскій), одинъ полякъ (интересный человекъ, о которомъ тоже стоило бы рассказать, теперь умершій, Магеръ) и Желябовъ, уже притянутый къ процессу, — что послѣ

былъ названъ 193-хъ,—но оставленный на волю,—вотъ каковъ былъ составъ этого комитета. Я допущенъ былъ въ собраніе, какъ участникъ другаго подобнаго комитета (но совершенно негласнаго и сплошь украинскаго по составу, въ другомъ городѣ). Желябовъ былъ очень оживленъ и, по окончаніи дѣловой части засѣданія и по уходѣ двухъ лицъ, не такъ «своихъ», — началъ очень интересный разговоръ съ Магеромъ о холодности польской молодежи къ проявлявшемуся тогда въ Россіи социалистическому движенію и объ изолированности ея (Объ этомъ см. въ біографіи Гриневецкаго, «На Родинѣ», № 1, стр. 46—47). Магеръ указывалъ на то, что для поляковъ слишкомъ важенъ національно-политическій вопросъ, чтобъ они могли, подобно русскимъ, отдаться чисто экономическому социалистическому направленію. — «Ну, такъ ставьте свой національно-политическій вопросъ!» — приставалъ Ж. — Да! легко сказать: ставьте! замѣтилъ я. Да, вѣдь для этого надо опредѣленно знать: что собственно такое польская нація? А вѣдь вы знаете, что на этомъ вопросѣ, главнымъ образомъ, и срѣзалось польское движеніе 1863 г. Вотъ те-

перь поляки чувствуютъ, что повторить старое движеніе нельзя, а въ то же время не имѣютъ отваги выйти на совсѣмъ новыя дороги, отказавшись отъ Польши исторической и выступая только за Польшу этнографическую. Да и эту не освободите, стоя на точкѣ сепаратистической, на которой стояли въ 1863 г., а только при общемъ федеральномъ движеніи въ Россіи. А это опять слишкомъ новая для поляковъ точка».

Магеръ былъ слишкомъ хорошо знакомъ со своими соплеменниками, чтобъ спорить противъ этого, и слишкомъ былъ порядочный человѣкъ, чтобъ отдѣлываться фразами, а потому долженъ былъ частенько отмалчиваться, когда неугомонный Желябовъ, подхвативши нашу постановку вопроса, продолжалъ наступать на него, говоря, что надо же, наконецъ, рѣшиться на что нибудь и выйти на новыя дороги, обязательно требуемая обстоятельствами. Украинцы присоединились къ Желябову. Магеръ скоро ушелъ;—уходя онъ дружески пожалъ всѣмъ намъ руки и приговорилъ: «на все, господа, нужно время!»

— Вотъ они всегда такъ! съ злой усмѣшкой сказалъ Желябовъ, обращаясь къ намъ, — и мы должны были успокоивать его, доказывая, что и въ самомъ дѣлѣ: на все нужно время...

Отзывчивость Желябова на живой вопросъ, какимъ было въ 1875—76 г. герцеговинское возстаніе, въ противоположность отрицательному отношенію къ нему доктринеровъ русскаго «официальнаго» социализма, я не разъ вспоминалъ послѣ, — и она вполне объясняетъ для меня тѣ «новшества», которыя говорилъ Ж—въ на Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ 1879 г., не боясь клички «конституціоналиста», которая была для «старыхъ нигилистовъ» 1873 г. ругательствомъ, чуть не равнымъ по силѣ «подлецу». Видѣвъ своими глазами эту способность Ж—ва къ «новшествамъ» и читая о ней примѣры въ его біографіи, мы невольно спрашиваемъ себя: что, если бы онъ остался живъ, — хватило ли бы у него отзывчивости и еретической смѣлости, чтобъ разорвать теперь и съ официальной доктриной «единой и нераздѣльной» революціи въ Россіи, какъ онъ разорвалъ

въ свое время съ доктриной «официальнаго», незапятнаннаго «политикой» социализма?....

Изъ брошюръ о Желябовѣ и его товарищахъ выходитъ, что многіе изъ нихъ потому только обратились къ «централизаци», что видѣли въ ней синонимъ «дисциплины». «Централизаци» у нихъ была, значитъ — кромѣ всего прочаго, о чемъ мы разъ говорили, — также и реакціей противъ той «анархіи», которую многіе россияне поняли, совсѣмъ не по Прудоновск а очень уже по дворянски, въ смыслѣ свободы каждому барону практиковать свое фантазію, лишь бы она была болѣе или меньше краснаго цвѣта. Но какъ будто федерализмъ, къ которому Прудонъ на практикѣ сводилъ свою ан-архію, исключаетъ дисциплину, а не есть наиболѣе удобная для людей форма организаци, съ непремѣнною дисциплиною?!

М. Драгомановъ.